

Крикну я вот с этой, с нынешней страницы: — Воскреси!

Мысль о самоубийстве и мечта о воскрешении идут в поэзии Владимира Маяковского неотступно рядом. Первую и детализировать особо не надо, так она реальна: холод металла, дуло у виска, точка пули в конце. Вторая же потребовала разработки «ясно, до деталей». Если было воскрешение Христа, если философ Николай Федоров проповедовал о воскрешении отцов, если наука начала двадцатого столетия манила обещаниями чудес долголетия, омоложения, то почему бы и не ждать в обозримом будущем открытия рецептов бессмертия, восстановления из мертвых? От раннего стихотворения, где утверждалось: «Убьете, похороните — выросту», автор шел к воссозданию словом мечтаемой «мастерской человеческих воскрешений». А в пьесе «Клоп» уже с научнообразными дотошными подробностями выписаны целый «институт человеческих воскрешений» и технология самой операции оживления. Так обожженные дети думают, что вот, когда они умрут, наконец-то все поймут, к о м у не додали, пожалели любви и ласки, поймут, к о г о потеряли. И воскресят. Непременно воскресят.

Лицо Маяковского (на тех фото, где он не с длинными волосами) каждый раз, как в первый, поражает говорщиками, выразительными, какими-то волоокими (что-то древнее) глазами. Знаете, в музее на Волхонке есть фаюмские портреты, среди них несколько таких вот живых, с запечатленной на них душой, лиц. Из донашей эры они проникают смотрящему на них прямо в душу. И молчалив крик их, совсем как у поэта: «Воскреси!»

У Маяковского и рот удивительный. Как писал один мемуарист, его губы были созданы для сладкого, папирос и поцелуев. Приспособившаяся инструмент своей речи для функций агитатора, горлана-главаря, поэт сам как бы порой забывал, что «губы» наряду с «душой» и «сердцем» — ключевые слова его ранних поэм и стихов. Обманывался, полагая, что лирика не первоочередное для него дело, главное же — битва за коммунизм.

Сегодня эпос Маяковского читающей аудиторией не востребован, а критикой просто-напросто зачеркивается на том лишь основании, что Октябрьскую революцию ныне почитают переворотом: Маяковский же и целая плеяда русских художников рубежа веков (и собственно художников, и мастеров сцены и писателей) ответственны за ее как явление всемирного, космического масштаба, чашное явление преображения мира. И художники эти создали великое авангардное, ни на что в мире не похожее искусство, девиз

которого был «Будущее — наша цель». На одной из недавних грандиозных выставок в Третьяковке искусство это назвали утопией, по справедливости добавив: великая. Кстати говоря, выставка «Великая утопия» еще раз выявила связь российского революционного авангарда и искусства древнерусского. То самое, что существует у футуриста, «будетлянина» Маяковского, поэтическая речь которого сознательно ориентирована на устойчивую, фольклорную традицию, на эпос сказителей, а театр — на народное площадное, балаганное, массовое действо.

Забавно, как иними литературными критиками сегодня трактуется Маяковский. В радостно-мстительном духе утверждает, что никто из отечественных поэтов 60–70-х годов не пошел за Маяковским, мол, они в противоположность его «безднам» выбрали норму, нормальную семейную, если угодно мешанскую, жизнь с ее тихими радостями. Что предшествующие юбилеи Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой совершенно затмили столетие «поэта революции». Что Маяковский по отношению к Пушкину одержим комплексом сальерианства. Что это какой-то оживший Каменный гость, утягивающий с собой в могилу всех, кто близко с ним соприкоснется, как Юрия Калябачевского, к примеру, написавшего труд «Воскресение Маяковского». И т.д. И т.п.

Да, от людей с таким «магическим кристаллом» в руках нечего ожидать, что они кого-то воскресят, скорее, уроют еще глубже.

Маяковский, как и вся минувшая советская история страны, ныне мифологизируется, демонизируется. Про себя поэт это предвидел, когда писал, что какой-нибудь профессор еще будет молоть о богодостоинстве. Не припомню с ходу, как другие, но Цветаева безусловно признавала первенство и старшинство Маяковского, гениального лирика и титана-слова-творца, держащего на этой территории сражаться с самим Создателем. Касательно прочих обвинений нужно заметить, что они не Маяковского разоблачают, а в первоначальном смысле слова разоблачают его хулителей, показывая несопоставимость их масштаба с величием поэта. Маяковский «всеми порами» ненавидел все, что «ушедшим рабам вбито». Они, в недавнее время бешено цитируя Чехова о необходимости выдавливать из себя по каплям раба, оказывается, на самом деле это рабы, мешанское, совбутовское и просто буржуазное призывают культивировать. Ну и во-льно желающим так поступать. Но

при чем же здесь поэт?

Был страшный грех у Маяковского — сбрасывал прилюдно Пушкина и иных классиков с «парохода современности». Но ведь одумался же, с нежностью в «Юбилейном» подсаживал Александра Сергеевича на пьедестал, не забывая напоследок искреннейшим образом продекларировать, что, как и его великий собрат по ремеслу, ненавидит всяческую мертвечину, обожает всяческую жизнь. Ранний Маяковский — вообще сплошные скрытые и явные отсылки, реминисценции, ассоциации со всей мировой культурой. Тут Дон Кихот, Гамлет, Раскольников и, конечно же, Христос. Тут Анненский, Тютчев, Фет. В позднем периоде тут и современники, с которыми ведется зачастую несправедливый спор, — Есенин, Булгаков...

Особо устроенный глаз Маяковского — несостоявшегося живописца (а мог бы) — обогатил словесное искусство образами сюрреализма, кубизма и всяких прочих измов. Художник синкретического склада, то есть разом наделенный дарованиями ко многим искусствам, Маяковский показал себя и как сценарист синемаатографа, а также как поразительный по искренности чувств и достоверности актер (спасибо, сохранилась фильма, в те времена женского рода, «Барышня и хулиган»). Урбанист до мозга костей, обладавший мышлением архитектора, поэт воспел собор Парижской Богоматери и техническое чудо того времени Бруклинский мост. И как истинный космист продолжил то направление русской лирики, которое отличается астральностью образов, — от «если звезды зажигают» до «в ночи Млечный серебряный Окою».

И все это богатство великой человеческой души, завещанное потомкам, — под спуд? А взамен разговорчики о связи Владимира Маяковского с НКВД-ГПУ? Да нет же, он — поэт, и этим по-прежнему интересен все еще читающей публике. Конечно, не всякому. Но тот, кто любит любовь, воскрешает Маяковского в сердце своем, когда читает наизусть или заглядывая в книгу: «Но мне — люди, и те, что обидели, — вы мне всего дороже и ближе», «Отчего ты не выдумал, чтоб было без мук целовать, целовать, целовать?!», «Иди сюда, иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук», «Любовная лодка разбилась о быт», «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — М о с к в а», «Только — слышишь! — уберу проклятую ту, которую сделал моей любимою!», «Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг».

Т. СЕРГЕЕВА.

36	
35	
34	
33	
32	
31	
30	
29	
28	
27	
26	
25	
24	
23	
22	
21	
20	
19	
18	
17	
16	
15	
14	
13	
12	
11	
10	
9	
8	
7	
6	
5	
4	
3	
2	
1	
№ строки	сумма